

Шэнь Фаши и Ван Чуаньдэн действительно давно отказались от пищи, но могли позволить себе лёгкие вегетарианские блюда. Так что за столом один лишь Чанъань сидел с жалким видом: все едят, а он только смотрит.

Впрочем, смотрел он с удовольствием.

... Младший братик такой милый, когда ест. И палочки держит мило, и ротик жуёт мило — так бы и укусил.

Он повторял движения Цзи Саньмэя: что тот кладёт себе в тарелку, то и он. Складывал в свою пиалу, но не ел, и вскоре она наполнилась до краёв. Когда места больше не осталось, он с радостью пододвинул пиалу к Цзи Саньмэю:

— Младший братик, ешь, это всё твоё любимое.

Цзи Саньмэй ответил:

— Я сыт, пойду прогуляюсь.

На самом деле у него начиналась ломка — хотелось выйти на улицу и раскурить трубку. Ведь рядом же юное создание, и если он будет постоянно вдыхать дым, это может непоправимо повлиять на некоторые функции в будущем, а тогда грех Цзи Саньмэя будет велик.

Чанъань с таким трудом набрал эту пиалу, уверенный, что Цзи Саньмэй обрадуется, но вместо этого получил отказ. Он сразу же поник, и на голове у него полезли маленькие кудряшки.

Цзи Саньмэй, выходя, развязывал свой табачный мешочек, собираясь достать щепотку табака.

Но не успел он сделать и двух шагов, как перед ним возникли две знакомые фигуры.

Цзи Саньмэй замер на месте, его табачный мешочек с глухим стуком упал на пол, а трубка, ударившись о бамбуковое покрытие, издала довольно громкий лязг.

Один из двоих обернулся на звук и оказался лицом к лицу с Цзи Саньмэем.

... Лицо этого человека потеряло детскую округлость, он вытянулся, а во взгляде читалась холодная, отстранённая меланхолия.

Если Цзи Саньмэй был больше похож на мать — с холодноватым выражением лица и странной, словно у призрачного лиса, внешностью, — то Цзи Лючэнь, унаследовавший больше черт отца, выглядел ярче: высокий лоб, алые губы, словно собравшие в себе весь блеск шумного города. На нём была одежда цвета сандалового дерева — видимо, пытался скрыть свою природную броскость.

Он посмотрел в сторону Цзи Саньмэя и тоже замер на мгновение, его обычно бесстрастные глаза вдруг вспыхнули стократным пламенем.

... Лючэнь, давно не виделись.

Цзи Лючэнь, положив руку на меч, пронёсся мимо Цзи Саньмэя, не оглядываясь, и его холодное выражение лица исчезло за несколько шагов.

Он бросился к Чанъаню, который сидел, понурившись, с кудряшками на голове, и, схватив его за рукав, с искренними слёзами на глазах воскликнул:

— Старший брат!

Чанъань, который как раз водил палочками по еде в тарелке, с ужасом посмотрел на Цзи Лючэня:

...

Чанъань, немного подумав, достал из-за пояса кошелек и вынул серебряный слиток:

— На, держи. У меня, кроме денег, ничего с собой нет.

Цзи Лючэнь был глубоко шокирован таким откровенным хвастовством своего брата и молча уставился на слиток.

Увидев, что Цзи Лючэнь не берёт деньги, Чанъань нервно отдернул руку и плотно прикрыл пиалу с едой, словно говоря: «Здесь ничего нет. Это не еда, а то, что я оставил младшему братику... Нельзя тебе это давать».

Цзи Лючэнь:

...

... Что ж, Цзи Саньмэй не был удивлён таким развитием событий.

Он наклонился, чтобы поднять табачный мешочек, но, едва согнулся, на чубук золотой нефритовой трубки легла изящная рука с красивыми костями и тонкими, ровными пальцами.

Цзи Саньмэй поднял глаза и встретился взглядом с человеком перед ним.

... Он слишком хорошо знал это лицо.

В его воспоминаниях Вэй Юань, живший по соседству, был стопроцентным болваном.

Но, к счастью, болваном с привлекательной внешностью и выдающимся духовным корнем, чья красивая и мужественная внешность в значительной степени маскировала его глупость.

Семьи Цзи и Вэй были соседями, жили близко, происхождение у них было схожее, и время возрождения их домов тоже совпало. Увы, Вэй Юань был вспыльчивым и прямолинейным, да ещё и презирал эксцентричный нрав Цзи Саньмэя, так что они то и дело ссорились через забор.

Однажды, в пылу перепалки, Вэй Юань орал:

— Ты только погоди, щас приду и прибью!

Цзи Саньмэй, выпуская клубы дыма, нагло отвечал:

— Папа здесь, сынок, жду не дождусь.

Вэй Юань одним ударом разрушил забор, а затем остолбенел.

Шэнь Фаши сидел в саду семьи Цзи, пил чай и, увидев, что Вэй Юань явился так быстро, встал и медленно закатал рукава:

... Ну что ж, давай.

Затем его отдубасил Шэнь Фаши, да ещё и заставили подписать договор о возмещении ущерба за забор — унизительнее не придумаешь.

Отсюда видно: даже устраивая беспорядки, Цзи Саньмэй всегда готовился к ним заранее.

Но сейчас болван Вэй Юань раньше Цзи Лючэня усомнился в истинной личности этого ребёнка.

За несколько мгновений, пока их взгляды встречались, глаза Вэй Юаня расширились от удивления. Осмотрев Цзи Саньмэя с ног до головы, он выглядел всё более ошеломлённым.

... Цзи Саньмэй?

Но этот ребёнок выглядел таким мягким и милым, совсем не похожим на того мерзавца.

Вэй Юань с каменным лицом смотрел на казавшегося маленьким и нежным Цзи Саньмэя, сердце его растаяло, и он изо всех сил старался растянуть губы в более-менее миролюбивой улыбке.

Цзи Саньмэй выпрямился, посмотрел Вэй Юаню прямо в глаза, затем положил руку ему на затылок, приблизился к его тонким, холодным губам и тихо похвалил:

— Юань, научился папе вещи поднимать. Молодец.

Розовые пузыри в голове Вэй Юаня лопнули, лицо его позеленело, он вырвал трубку, уши покраснели, а выражение стало ледяным:

— Цзи, где мой брат?!

Вэй Юань наотрез отказывался верить, что Цзи Саньмэй погиб в городе Чжуинь.

Этот идиот, хоть и был идиотом, но не тем, кого можно было уложить одной чашей отравленного вина.

Кроме того, было одно железное доказательство, что Цзи Саньмэй тогда не погиб: его младший брат Вэй Тин, с детства обожавший соседа, старшего брата Цзи, в ту самую ночь исчез из дома, оставив лишь небрежно накарябанную записку — мол, есть важное дело.

И это дело длилось уже восемь лет.

Чёрт, это точно был тот ублюдок, который увёл Атина!

За эти годы Цзи Лючэнь потерял брата, а Вэй Юань — своего, так что они могли друг друга понять. Когда Цзи Лючэнь получил письмо, предположительно от брата, он пришёл к Вэй Юаню, и тот, не раздумывая, собрал вещи, чтобы отправиться на поиски Цзи Саньмэя и вернуть своего драгоценного братца.

Перед тем как отправиться в путь, Вэй Юань представлял себе множество вариантов: брат мёртв; брат болен; брат сошёл с ума; брат живёт с этим педерастом, а тот потом бросил его, и теперь брат скитается, зарабатывая на жизнь в качестве мальчика для утех, страдая от издевательств...

После того как в его голове проигралась все восемьдесят один возможный сценарий предательства негодяя и страданий влюблённого, Вэй Юань наконец-то поймал живого Цзи Саньмэя и не собирался его отпускать.

Если бы не надежда узнать, где Вэй Тин, Вэй Юань бы выбил ему все зубы, чтобы отомстить за похищение брата.

Цзи Саньмэй моргнул и переспросил:

— У тебя есть брат?

Вэй Юань:

...

Такой ответ, лишаящий надежды на потомство, ошеломил Вэй Юаня.

Он никак не ожидал, что Цзи Саньмэй может быть настолько бесстыдным.

Он на мгновение остолбенел, затем стиснул зубы и потянулся, чтобы схватить Цзи Саньмэя за воротник:

— Цзи Саньмэй, не прикидывайся идиотом!

Цзи Лючэнь, услышав это имя, резко обернулся.

Но рука Вэй Юаня не смогла продвинуться дальше ни на йоту.

Его ладонь застыла в воздухе.

Слой льда толщиной в шесть цуней покрыл его руку от кончиков пальцев до локтя, сковав движение.

Ноги тоже вмёрзли в пол, и прочный лёд с треском пополз вверх по икрам, добравшись до самых колен.

Вэй Юань тут же попытался применить магическую силу, но обнаружил, что не может растопить лёд. В ужасе он сжал свободную руку в кулак и ударил по ледяному панцирю — тот даже не дрогнул, оставаясь толстым и прочным, словно кожа на лице Цзи Саньмэя.

Внутренне корчась от боли, Вэй Юань изо всех сил старался сохранить лицо, уставившись на спокойно сидящего вдалеке Шэнь Фаши и стиснув зубы так, что на скулах выступили жёсткие бугры.

Он едва мог двигаться, застыв в полуприседе, и мог лишь издали выкрикивать свои угрозы.

Вэй Юань:

— Проклятый педераст!

Шэнь Фаши, сохраняя полное спокойствие, поднял чашку, с радостью принимая этот комплимент.

<http://bllate.org/book/16281/1466313>